

На правах рукописи

**МОХАММАДИБАГМОЛЛАИ МОХАММАДКАЗЕМ
КАРИМ**

**МАХМУД ШАБИСТАРИ И МЕСТО ЕГО
ПОЭМЫ «ГУЛШАН-И РОЗ» В ИСТОРИИ
ПЕРСИДСКО-ТАДЖИКСКОЙ ЛИТЕРАТУРЫ**

Специальность:

**10.01.03 - Литература народов стран зарубежья
(таджикская литература)**

АВТОРЕФЕРАТ

**диссертации на соискание ученой степени
кандидата филологических наук**

Душанбе – 2019

**Работа выполнена на кафедре истории таджикской литературы
Таджикского национального университета**

Научный руководитель: доктор филологических наук
Максудов Бадриддин

Официальные оппоненты: **Суфиев Шодимахмад Зикриёевич** –
доктор филологических наук, директор
Центральной научной библиотеки АН РТ
им. Индира Ганди

Афсахзод Аббоси Аълохон –
кандидат филологических наук, доцент
кафедры печатных СМИ и PR Российско –
Таджикского (славянского) университета

Ведущая организация: Таджикский государственный педагогический университет им. С.Айни

Защита диссертации состоится «19» апреля 2019 г. в 15.00 часов на заседании диссертационного совета Д 737.004.03 по защите диссертаций на соискание учёной степени доктора филологических наук при Таджикском национальном университете (734025, г. Душанбе, проспект Рудаки, 17).

С диссертацией можно ознакомиться в научной библиотеке и на сайте Таджикского национального университета (734025, г. Душанбе, проспект Рудаки, 17).

Автореферат разослан «_____» _____ 2019 г.

Ученый секретарь
диссертационного совета
доктор филологических наук
профессор

Садуллаев Дж. М.

ОБЩАЯ ХАРАКТЕРИСТИКА РАБОТЫ

Актуальность темы. Персидско-таджикская классическая литература среди многих письменных литератур народов мира главным образом отличается своими особыми морально-этическими, философско-религиозными и социально-гуманистическими идеями. Такое свойство данной литературы, в первую очередь, объясняется тем, что в ней отражены помыслы, мечты, чаяния и настроения самых мыслящих слоев средневекового общества. Поэтому исследования истории персидско-таджикской литературы и особенно её суфийской поэзии имеет большое значение и заслуживает детального изучения и исследования.

По сообщениям средневековых авторов, таких как Абдаррахман Джами, Хондемир, Давлатшах Самарканди, Авхади Балёни, Вола Дагистани, Шерхан Луди, Хафиз Хусайн Карбалои и др. в персидско-таджикской литературе эпохи монгольского государства Ильханидов (середина XIII-середина XIV века) творчество Махмуда Шабистари занимает особое место. Период жизни и деятельности Шабистари в истории литературы персоязычных народов считается наивысшей ступенью развития суфизма. В литературе данной эпохи прослеживается сильное влияние эзотерической концепции пантеистического монизма великого шейха Мухйиддина ибн аль - Араби (1165-1240). Все поэты данной эпохи и последующих времен, таких как Саади, Ираки, Амир Хусайни, Аухади Марагаи и др. вплоть до Джами были погружены в систему этого учения. Одним из таких довольно талантливых представителей этого литературного течения, без сомнения, был Шейх Махмуд Шабистари, который в дальнейшем имел много последователей.

По признанию всех авторов средневековых источников и современных исследователей поэма «Гулшан-и роз» («Цветник тайн») Махмуда Шабистари является ценной жемчужиной в сокровищнице духовной культуры народов мусульманского Востока. Она по своей глубине и богатому содержанию, а также популярности стоит в одном ряду с такими выдающимися суфийскими поэмами, как «*Хадикат ул-Хакикат*» («Сад истины») Санаи, «*Илохи-наме*» («Книга о Боге») Аттара, «*Джам-е Джам*» («Чаша Джамшида») Аухади Марагаи и др. В классическом периоде развития персидско-таджикской литературы данная поэма Шабистари имела огромное значение как одно из основных пособий для усвоения учений теории суфизма. Также она, как хорошо ориентированная книга по суфизму, была самой цитируемой поэмой. Следует отметить, что исследование творческой личности Шабистари и особенно его поэмы «Гулшан-и роз», определение ее основных идейных направлений, системы художественных образов, суфийских терминов, символов и изучение собственных интерпретаций поэта в умелом использовании устойчивых мистических образов, позволит дать всестороннюю информацию о развитии суфийской художественной

мысли в средние века. Выполнение такого рода работы, конечно же, будет способствовать решению вопросов развития литературных стилей, определению связей литературы с религиозно-мистическим мировоззрением эпохи и художественным осмыслением учения суфизма, прольёт свет на художественное мастерство создателей суфийской литературы.

Актуальность настоящего исследования заключается и в том, что первостепенной задачей литературоведения на современном этапе является проникновение в духовный мир человека, познание его сущности как субъекта творческой деятельности, а также изучение диалектики души к постижению Истины. Осуществлению этой задачи способствует исследование образной символики суфийской литературы, позволяющее наиболее полно воссоздать реальную картину духовной жизни средневекового общества, ее связь с высшей Сущностью.

Степень изученности темы. Первые сведения о Шабистари и его поэме «Гулшан-и роз» встречаются в «*Нафахат ал-унс*» («Дуновение святых») Джамии, «*Хабиб ус-сияр*» («Жизнеописание друзей») Хондемира, «*Тазкират уш-шу`аро*» («Антология поэтов») Давлатшоха Самарканди и других авторов средневековых литературных и исторических источников. Общие заметки о Шабистари имеются в энциклопедиях, учебниках по истории персидско-таджикской литературы и хрестоматиях. В свое время Е.Э.Бертельс, относя «Гулшан-и роз» Шабистари к литературе теоретического суфизма, указывал на необходимость ее дальнейшего изучения (1:447). Ряд современных иранских, пакистанских и таджикских авторов, которые подготовили к печати эту поэму или же написали к ней комментарии, в предисловиях своих изданий приводят краткие биографические сообщения о Шабистари и о некоторых особенностях его поэмы. Однако, все они в основном повторяют друг друга. Кейван Сами`и в своем предисловии к современному изданию «Мафотих ул-э`джоз» Лахиджи (комментарии к «Гулшан-и роз» /1958 г./; пакистанский ученый Мухаммадбашир Анвар в предисловии к критическому изданию «Гулшан-и роз», опубликованную в 1975 году; Джавод Нурбахш в предисловии собственных комментариев к данной поэме, изданной в 1975 году; Мухаммадризо Барзгар Холики и Иффат Карбоси в предисловии своих комментариев к данной поэме, изданной в 1995 году, и в ряде других работ, посвященных Шабистари, его творчеству и особенно поэме «Гулшан-и роз», не выходят за рамки известных сведений. В Таджикистане впервые на кириллице Ш.Таджибаевым был издан полный текст «Гулшан-и роз» со словарем труднодоступных слов (Худжанд, 2001). В предисловии данного издания подчеркивается важность дальнейшего изучения данной поэмы (2:13). До недавнего времени в Таджикистане, к сожалению, конкретного целенаправленного исследования по этой поэме не проводилось. Лишь в 2015 г. таджикский литературовед Шодимухаммад Суфизода с обширным толкованием понятий и метафор, использованных поэтом в данной поэме, заново издал полный текст поэмы и в своем предисловии поместил

результаты собственного исследования в обобщенном виде. По данной теме со стороны некоторых иранских ученых опубликованы отдельные статьи. Например, Таджлил Джалил в 1983 году напечатал статью под названием «Сверкание цветника», где сделана попытка проанализировать данную поэму лишь с точки зрения содержания. Другой иранский ученый Хикмат Насруллох в 2006 году опубликовал отдельную книгу под названием «Метафизические раздумья в “Гулшан-и роз”», которую посвятил философскому изучению теории познания Шабистари. Затем в 2009 г. появилась статья Фазилата Махмуда – «Некоторые соображения по поводу понятия бытия в “Гулшан-и роз”», где автор философски анализирует учение Шабистари о бытии. А в 2006 г. Халил Курбани опубликовал статью «Формальные украшения в “Гулшан-и роз”», где автор пытается в общих чертах исследовать поэтическую манеру стихосложения Шабистари.

Большую научную ценность для исследования поэмы «Гулшан-и роз» представляет работа американского ученого-востоковеда Леонарда Льюисона под названием «По ту сторону веры и ереси Шейха Махмуда Шабистари», изданная в Тегеране в 2000 г. в переводе Маджаддина Кейвана. Автор данной книги особое внимание уделяет анализу мистических чаяний Шабистари. Данная работа создает твёрдую почву для дальнейшего исследования указанного произведения в Иране и в других центрах востоковедения.

Ценные мысли и сведения, относящиеся к Махмуду Шабистари и его поэме, встречаются в работах таких иранских исследователей, как Абдулхусайн Зарринкуб, Таки Пурномдориён, Насруллох Пурджаводи, Махмуд Футухи, Самад Муваххид, Махдия Содот Мустакими и других. А в 2009 году русский философ А.А.Лукашев в Москве защитил кандидатскую диссертацию на тему «Философские взгляды Махмуда Шабистари», где делается основной акцент на мистико-философские воззрения Шабистари, а особенно на его учение о бытии.

Несмотря на существование отмеченных работ, до сей поры поэма Шабистари не стала предметом специального монографического литературоведческого исследования.

Цель и задачи исследования. Целью настоящей диссертационной работы является монографическое исследование жизни и творческой деятельности Шейха Махмуда Шабистари, изучение идейно-художественных особенностей его поэмы «Гулшан-и роз» и определение ее места в истории развития персидско-таджикской литературы.

В соответствии с поставленной целью в работе решаются следующие задачи:

- воссоздать научную биографию Махмуда Шабистари;
- определить творческое наследие поэта и устранить все донныне существующие догадки и ошибочные версии относительно данного вопроса;
- определить структуру и идейное содержание поэмы «Гулшан-и роз»;

- выявить суфийское воззрение и мировосприятие Шабистари на основании поэмы «Гулшан-и роз»;
- раскрыть художественные особенности исследуемой поэмы на фоне определения образных символов, художественных фигур, а также цитированных коранических *аятов* и употребленных *хадисов* пророка Мухаммада;
- проанализировать существующие средневековые и современные комментарии к «Гулшан-и роз» и оценить их значение;
- определить преемственность суфийских идей в исследуемой поэме, а также показать её влияние на творчество последующих поэтов.

Объектом данного исследования является персидско-таджикская суфийская литература X – XV веков.

Предметом исследования является поэма «Гулшан-и роз» известного персидско-таджикского поэта-суфия XIII века Махмуда Шабистари и существующие комментарии к ней.

Источники исследования. Основным базовым источником исследования послужили более 70 литературных источников, в том числе три критических издания «Гулшан-и роз» Махмуда Шабистари; основные ранние средневековые комментарии к ней таких авторов, как Мухаммад Лахиджи, Али Турка Исфагани, Низамаддин Мухсини, Бобо Ниматуллах Нахичевани и Аллах Ардабили. К тому же настоящее исследование опирается на материалы различных трактатов, тазкире, диваны поэтов, словарей и т.д. В настоящей работе, где приведены образцы из «Гулшан-и роз», мы опираемся на собственное издание упрощенных комментариев данного памятника под названием «*Хадис-и бе кам-у беши*» («Повествование без убавления и лишнего»), где не упущен ни один бейт.

Теоретической и методологической основами исследования являются достижения отечественного и зарубежного литературоведения и востоковедения, фундаментальные работы А.Никольсона, Д.С.Лихачева, Е.Э.Бертельса, Н.И.Пригариной, А.Зарринкуба, К.Кокои, М.Ш.Кадкани, М.Футухи, Л.Льюисона, Х.Шарипова и др.

Методы исследования основаны на комплексном историко-филологическом подходе, предполагающем соединение традиционного описания филологического анализа текста и сравнительно-исторического принципа изучения явлений литературы. Использование указанных методов исследования позволяет установить общие закономерности литературного развития, выявить художественную специфику произведения литературы. В данной работе также использованы методы литературной герменевтики и феноменологии, посредством которых обнаруживается оригинальность произведения.

Новизна исследования. В диссертации впервые в монографическом плане исследованы жизненная среда, биография, творческая деятельность поэта-суфия XIII-XIV веков Шейха Махмуда Шабистари. В работе также

впервые затрагиваются вопросы атрибуции некоторых произведений исследуемого автора, рассматривается ряд дошедших доныне комментариев к «Гулшан-и роз», анализируются идейно-художественные и стилистические особенности данной поэмы, убедительно доказываются ее эстетические и познавательные ценности. Определяются также роль и место исследуемого произведения Шабистари в истории развития персидско-таджикской классической литературы. Диссертация изобилует новыми фактами, рассуждениями, научными анализами и выводами. Представлены новые взгляды и концепции в определении художественного достоинства поэмы «Гулшан-и роз» и особенностей индивидуального стиля стихосложения Шабистари.

Научно-теоретическое значение диссертации заключается в том, что полученные научные результаты восполнят теоретическую базу современного литературоведения при анализе поэтических текстов суфийского содержания и в дальнейшем позволят провести более пространное исследование вопросов персидско-таджикских суфийских поэм, в частности, и суфийской литературы, в целом.

Практическое значение работы. Материал, содержащийся в диссертации, может быть использован в процессе изучения истории персидско-таджикской литературы и, особенно, этапов развития суфийской литературы. На основе материалов данного исследования на филологических факультетах высших учебных заведений республики, в целях углубленного изучения истории развития суфизма, можно вести специальные курсы и семинары, посвященные жизни и творчеству Махмуда Шабистари, а также традициям создания суфийских поэм на фарси.

На защиту вынесены следующие положения:

1. Вследствие прочной доказательной базы и вновь обнаруженных доводов выдвигается новая истинная версия биографии Махмуда Шабистари и таким образом, подправляются некоторые важные доныне неправильно воспринятые моменты жизни автора поэмы «Гулшан-и роз».

2. Устанавливается творческое наследие Шабистари, как и стихотворные его произведения, так и прозаические трактаты, а также разрешаются проблемы их атрибуции. А сама поэма «Гулшан-и роз» в идейном отношении в истории персидско-таджикской суфийской литературы оценивается как новое феноменальное художественно-эстетическое явление.

3. В последующем в подражание «Гулшан-и роз» создаются многочисленные поэмы (*назиры*), а также составляются разнообразные средневековые и современные комментарии к ней, что говорит о великолепном художественном шедевре и колоритности содержания данной поэмы.

4. Выясняется стиль изложения поэта в «Гулшан-и роз», особенно, в ее последних двухстах бейтах, изощренность языка и обильное употребление

художественных фигур, цитирование коранических стихов и изречений (*хадисов*) Пророка ислама.

5. Заметное место «Гулшан-и роз» в истории персидско-таджикской литературы воспринимается еще тем, что она в последующем стала самой цитируемой поэмой и самой поучительной книгой в области познания суфийских вопросов.

Апробация работы. Диссертационное исследование обсуждено на заседании кафедры истории таджикской литературы Таджикского национального университета (Протокол № 15 от 8 мая 2017 года) и рекомендовано к защите. По теме диссертации опубликованы одна монография и три статьи, которые указаны в конце автореферата. Автор неоднократно выступал с докладами на ежегодных научных конференциях Таджикского национального университета (2011-2013), на научных конференциях Тегеранского университета (2013-2015).

Структура диссертации. Диссертация состоит из введения, четырех глав, заключения и списка использованной литературы.

ОСНОВНОЕ СОДЕРЖАНИЕ РАБОТЫ

Во **введении** обоснованы актуальность темы, степень разработанности исследуемой проблемы, сформулированы цель, объект, предмет, задачи, источники исследования; раскрыты научная новизна, теоретическая и практическая значимость; аргументированы основные положения, выносимые на защиту, изложены итоги апробации.

Первая глава диссертации «**Жизнь и творческая деятельность Махмуда Шабистари**» состоит из трех разделов.

Первый раздел - «Биография Махмуда Шабистари» посвящен аргументированному тщательному изучению и максимально восстановлению жизненного пути поэта. Следует отметить, что фрагменты биографии Шабистари, как и других персидско-таджикских средневековых поэтов, окутаны множественными сказочными преданиями и искаженными мифами. Диссертант, усердно изучая сообщения первоисточников, сравнивая их с высказываниями самого поэта и не упуская из виду вновь обнаруженные вещественные данные, связанные с жизнью поэта, скрупулезно восстанавливает его биографию.

Согласно надписи могильного камня гробницы поэта он родился в 687 году хиджры /1288/ и умер в 720 году хиджры /1321/, т.е. продолжительность пребывания его в этом мире составляет всего 33 года, что и подтверждают прежние биографы и почти все современные исследователи. Однако, как свидетельствуют исторические данные, обнаруженные диссертантом, доказывается другая версия по поводу даты кончины поэта. Так, Хафиз Хусайн Карбалаи из Тебриза в своей книге «*Равзат ул-джинан ва джанат ул-джанон*» сообщает, что наставником Махмуда Шабистари был некий

Мавлоно Бахааддин Я`куб Тебризи, и они вместе совершили паломничество в Мекку. Согласно завещанию самого Махмуда Шабистари, его похоронили у подножия могилы Я`куба Тебризи. Поскольку на надгробном камне могилы Мавлоно Бахааддина зафиксирована дата его смерти 737 года хиджры /1337/, то приходится признать дату смерти Шабистари 737 годом или же последующими годами ближе к этой дате. В пользу данного заключения имеется еще одно обстоятельство. В вышеуказанном источнике сообщается, что между Махмудом Шабистари и Баба Абы Шабистари была крепкая дружба. Там же сообщается, что когда Баба Абы находился предсмертной агонии, его навещал Махмуд Шабистари, закрывая за собой дверь, он промолвил, что «на днях такое случится со мною, и мы с Мавлоно встретимся на том свете» (8:91-92). В источниках время кончины Баба Абы датировано 17-рабиялаввала 740 годом хиджры /1340/. Имея в виду данное обстоятельство можно заключить, что смерть Махмуда Шабистари наступила не раньше 740-го года хиджры. Кроме того в книге под названием «*Сафинаи Тебриз*» («Хроника Тебриза») приводится документальный и достоверный рассказ о Шабистари. Вслед за его именем приводится следующее благословление: «*адомуллоху аййомаху*» (да продлит его дни Аллах), т.е. жизнь Махмуда Шабистари. Дата данного высказывания зафиксирована 725 годом лунной хиджры /1325/. Поэтому, естественно, правильно было бы предположить, что до этого времени Шабистари был жив.

Вышеприведенные данные противоречат принятой дате смерти поэта (720/1321). Убеждение диссертанта приближает к истине и тот факт, что на протяжении долгого времени несколько раз были отремонтированы гробница и надгробный камень могилы Шабистари, включая и надписи на них. Обнаружено, что во время правления Мухаммадшаха Каджара его визирь по имени Ходжа Мирза Агасы надгробный камень могилы поэта поменял на мрамор, а также надписи на ней сделал на *наста`лике*. В 1297 г.х. /1918/ по приказу правителя Азербайджана Мирза Хасан-хана Сипахсалара проведен дополнительный ремонт гробницы поэта. Исследование диссертанта показывает, что данная гробница еще дважды (в 1310/1931 и в 1340/1961) была отремонтирована. А в 1367 г.х./1988/ могильная плита усопшего была заново заменена. Если историческая правда такова, то где уверенность в том, что при многократных заменах и реставрациях надмогильной плиты, в ее надписи не были введены изменения? Поэтому нет никаких оснований верить подлинности ныне существующей надписи на плите могилы поэта. Можно предположить, что поэт прожил между 690 по 740 годами хиджры /1291-1340/. Сравнительное изучение источников доказывает, что его полное имя Шейх Са`дуддин Махмуд сын Абдулкарима сын Яхья Шабистари. Отсюда можно констатировать, что его настоящее имя Махмуд, религиозное прозвище Са`дуддин, имя отца - Абдулкарим и имя деда - Яхья. А слово «Шабистари» является частью арабо-мусульманского имени - *нисбой* т.е. указывает на родину поэта, т.е. место расположенное в окрестностях

Тебриза. Слово «Шейх» присоединённое к имени поэта подразумевает то, что Шабистари был крупным мистиком, имел медресе, *хонаку* (обитель суфиев) и занимался воспитанием *мюридов* (учеников). Он как шейх *тариката* при жизни имел огромный авторитет среди суфиев того времени, и к нему многие гностики обращались с просьбами разъяснить значение тех или иных проблем *ирфана* - теоретических основ мистики. В диссертации, опираясь на содержание поэмы «Саадат-наме» поэта и его духовное состояние, доказывается, что он много путешествовал и бывал в таких мусульманских странах и краях, как Египет, Сирия, Аравийский полуостров, Ирак, Йемен, Андалусия и Кавказ. Таким образом, опровергаются мнения таких ученых как Броун, Льюисон и прочих о том, что якобы Шабистари никогда не выходил за пределы Тебриза и не совершал какие-либо путешествия. По противоречивым сообщениям источников поэт во время пребывания в Кирмане женился, и некоторое время оставался там. Здесь же родились его дети и в последующем они организовали родовое племя под названием «Ходжагон» (7:127). По словам самого Шабистари, в «Саадат-наме», он был в хороших отношениях с известными личностями того времени, как Баба Абы Шабистари, Бобо Фарадж Тебризи, Хаджа Мухаммад Каджаджи, Абдаррахим Тебризи и многими другими. Исследование его сочинения показывает, что Шабистари по религиозному убеждению был суннитом шафиитского толка и, несмотря на свое высокое положение в обществе, проживал скромно и спокойно.

Второй раздел первой главы - «Творческое наследие» посвящен конкретному определению и атрибуции целого ряда произведений, принадлежность которых перу поэта до сего времени не уточнено.

В ходе исследования диссертант делит все произведения самого Шабистари на две части: 1) поэтические и 2) прозаические. Следует отметить, что среди прочих поэтических произведений поэта главенствующее место занимает его поэма «Гулшан-и роз» («Цветник тайн»). Благодаря этой краткой по форме и большой по содержанию поэме, имя Шабистари ныне стоит в одном ряду с такими непревзойденными корифеями художественного слова, как Джалаладдин Руми, Фахраддин Ираки, Саади, Хафиз и др. Данная поэма сочинена в размере *хазадж-и мусаддас-и махзуф и максур*. Она написана в 717 г.х./1318/ в 27 или 30-летнем возрасте поэта. Как отмечает сам Шабистари во вводной части своей поэмы, создал он ее в ответ на письмо одного крупного поэта-суфия того времени - Амира Хусайна Хирави, проживавшего в Герате. По его словам, в 717 г.х. из Хорасана (Герата) в Тебриз прибыл гонец и принес стихотворное письмо упомянутого поэта, где он задал 17 сложнейших мистических вопросов и просил ответить на них. После прочтения того письма в кругу именитых знатоков суфизма, к Махмуду Шабистари поступает просьба ответить на них. Шабистари тут же в стихотворной форме излагает свои ответы на поставленные вопросы и гонец, с уважением приняв их, отправляется назад в Хорасан. Спустя

некоторое время один из авторитетов *тариката* обращает к Шабистари с просьбой дополнить свои ответы. Шабистари принимает и эту просьбу, в течение нескольких часов полностью заканчивает поэму и дает ей название «Гулшан-и роз» («Цветник тайн»). По словам самого поэта, данная поэма является первым его стихотворным произведением. По существующим разным спискам поэмы её объем насчитывается в пределах от 958 до 1007 бейтов. Она создана с учётом различного рода сокровенных тайн мусульманского мистицизма стилем аллегории и метафор, который знают лишь те, которые находятся на пути постижения Божьей истины. Данная поэма сразу же приобрела огромный успех среди суфиев и стала важнейшим источником познания теории суфизма и ее философии. Из содержания «Гулшан-и роз» явствует, что Шабистари в формировании своих убеждений многое познал из пантеистической теории Ибна Араби и взглядов таких великих гностиков, как Мухаммад Газоли, Ахмад Газоли, Айнулкуззот, Кушайри, Шейх Аттар, Азиз Насафи и Джалаладдин Руми. По справедливому мнению американского ориенталиста Леонарда Льюисона «в средневековой персидской литературе никто не смог так сжато и, к тому же весьма всесторонне и глубоко изложить теорию экстатического суфизма, как Махмуд Шабистари» (10:30). Такого взгляда придерживались многие авторы средневековья и современности.

Вторая поэма Шабистари «*Саадат-наме*» («Книга о счастье») написана в размере «*Хадикат ул-Хакикат*» («Сад Истины») Санои и состоит из четырех глав и 1571 бейта. В этой поэме Шабистари, опираясь на взгляды Мухаммада Газали на его произведения «*Ихья ул-`улум ад-дин*» («Возрождение религиозных наук») и «*Кимия-и саадат*» («Эликсир счастья»), излагает вопросы богословия с позиции *ирфона*. Перу Шабистари принадлежат еще несколько прозаических трактатов, из которых только два трактата дошли до наших дней. Первый из них «*Хакк ул-якин фи ма`рифат-и Раб ул-`оламин*» («Подлинно верное в познании Всевышнего») и второе «*Мир`от ул-махаккикин*» («Зеркало мудрецов»). Оба трактата написаны на фарси с использованием мистической терминологии и с привлечением *аятов* из Корана и *хадисов* Пророка. Многие исследователи считают эти трактаты образцами великолепной персидской суфийской прозы XIII-XIV веков и ставят их наравне с «*Савоних ал-ушшак*» («Наития любви») Ахмада Газали и «*Лама`ат*» («Сверкание») Фахраддина Ираки. «*Хак ул-якин фи ма`рифат-и Раб ул-`оламин*» написан сложным изошрённым стилем, тогда как «*Мир`от ул-мухаккикин*» создан на более простом и общедоступном персидском языке. Второй трактат рассказывает о путях самопознания человека с позиции мусульманского суфизма. По свидетельству автора, он служит читателю как зеркало, и кто прочтет его, познает самого себя и перейдет к познанию высшей субстанции, т.е. Бога. В диссертации содержательные стороны указанных трактатов анализированы по определённым главам и разделам.

В третьем разделе данной главы проведён анализ произведений приписанных перу Махмуда Шабистари, где рассматривается целый ряд прозаических и стихотворных произведений:

Суфийский трактат «*Маротиб ул-'орифин*» («Степени познания гностиков») написан под шиитским настроением, поэтому трудно согласиться с некоторыми исследователями, подтверждающими его принадлежность Махмуду Шабистари.

- «*Канз ул-хакоик*» («Клад истины»). Эта небольшая поэма, которая раньше считалась работой Шабистари. Однако, нынешние исследователи полагают, что это произведение является продуктом пера другого поэта, современника Шабистари по имени Пахлаван Махмуд Хорезми, доводы которых в диссертации рассмотрены и подтверждены.

- «*Рисола дар бораи замону макон*» («Трактат о времени и пространстве»). Хотя в некоторых каталогах рукописных книгохранилищ приписывают это произведение Шабистари, однако, нами обнаружено, что Абдаррахман Джамии в своем «Нафахот ул-унс» считает его трудом некоего Шейха Таджаддина Махмуда Ушнави. Вероятно, одинаковые имена двух писателей (Махмуд) стало причиной такого рода путаницы.

- «*Шохид*» («Свидетель»). Принадлежность данного трактата, рассказывающего о степени божественной любви, влюбленного и Возлюбленного к перу Шабистари с некоторыми доводами поставлено под сомнение. Некоторые другие произведения писателя, такие как «*Тафсир-и сура-и Фотеха*» («Комментарии суры Фотеха»), «*Джомии джахоннамо*» («Чаша, отражающая весь мир»), «*Рисола-и мероджия*» («Трактат о восхождении») и др. доказывают, что не являются произведениями Махмуда Шабистари.

Вторая глава диссертации «**Композиция и содержание поэмы «Гулшан-и роз»**» состоит из двух разделов.

В первом разделе данной главы - «Композиция поэмы», речь идет о структуре исследуемой поэмы. В ней подвергнуты тщательному рассмотрению формообразующие элементы поэмы. Поэма воспета в жанровой форме *месневи* в размере *хазадж-и мусаддас* в объеме 1007 бейтов, и она начинается с восхваления Бога:

بنام آن که جان را فکرت آموخت
چراغ دل بنور جان بر فروخت (11:34).

(Во имя того, кто научил душу размышлению,
Светильник сердца озарил светом души)¹

¹ Стихи даны в подстрочном переводе автора диссертации

Вначале поэма содержит краткое введение (до 32-го бейта) и посвящена бытию и небытию, макрокосмосу и микрокосмосу, миру сего и потустороннему миру. Затем автор мимолетно намекает на высокий статус пророка Мухаммада (33-й бейт). Потом приводятся условия создания данной поэмы (33-69 бейты). Начиная от 70-го бейта, поэт последовательно, в форме вопросов и ответов (их всего 17) излагает свои воззрения на доминирующие проблемы суфизма. По ходу своих разъяснений поэт местами включает басни и сентенции. Эта основная часть поэмы продолжается до 932-го бейта включительно. В конце поэмы поэт приводит свои доводы по названию книги и заканчивается поэма заклинанием, чтобы имя поэта упомянули добрым словом. Можно констатировать, что композиция поэмы построена согласно устойчивой традиции создания классической суфийской поэмы.

Второй раздел второй главы называется «Идейное содержание» и здесь рассматривается идейное значение поэмы «Гулшан-и роз». Как известно, XIII-XIV века в истории культурной жизни персоязычных народов считаются пиком подъема мусульманского мистицизма. В этот период в суфийской литературе полностью формируются терминология (*истилохот*) и система образных символов (*рамзият*). К тому же для их разъяснения, а также описания суфийских воззрений, создается множество словарей, пособий, трактатов. Поэма «Гулшан-и роз» Шабистари является одной из самых удачных и весомых произведений данного амплуа. Все великие представители суфийской литературы едины в том, что любовные переживания нельзя и невозможно передать обычными словами, ибо суфийское познание Божьей истины считается за пределами восприятия человеческих эмоций и разума. Такое внутреннее познание ведомо только сердцу и душе познающего суфия. Суфий путем подвижничества должен разрушить в себе все привязанности к земным пристрастиям. Лишь тогда эмпирически он может единолично прикоснуться к Истине. Такое отличительное психологическое душевное состояние поэт-суфий вынужден был выражать только символами и намеками. И Шабистари в «Гулшан-и роз» стремился разъяснить образную символику суфизма и его метафоричность особым волнением, художественным воодушевлением, и обостренным вкусом и ощущением. Поэтому, его поэма насыщена изощренными и тонкими доминантами, которые иногда не в силах понять непросвещенный читатель. Об этом свидетельствует и появление многочисленных комментариев к поэме. Шабистари в этой своей поучительной книге использовал 307 религиозных и мистико-философских терминов. Из них 116 являются чисто суфийскими символами [такие как *می* (вино), *شمع* (свеча), *جام* (бокал), *روی* (лик), *چشم* (око), *لب* (губы), *خط* (пушок), *زلف* (локон), *خال* (родинка), *قد* (стан), *بت* (идол), *خرابات* (таверна), *خراباتی* (обитель таверны), *زنار* (пояс иудея) и т.д.] и он же уделял особое внимание интерпретации этих и многих других опорных и ключевых понятий. Поэт пытался разъяснить самые принципиальные и спорные вопросы суфизма

таких как «وحدت وجود» (пантеизм), «وحدانیت» (монизм), «تجلی» (эмонация), «مراقبه» (созерцание), «وجد» (экстаз), «سكر» (опьянение), «كشف» (откровение), «سماع» (радение), «حیرت» (изумление) и т.п. Амир Хусайн Хирави своими вопросами попросил выяснить именно такие доктринальные положения мусульманского суфизма. Следует заметить, что автор таких вопросов не является начинающим суфием, а по всему видно, что он знающий и знаменитый гностик Хорасана. Поэтому ответы должны были быть вполне адекватными. И с этой задачей Шабистари справился весьма компетентно и на высоком уровне.

Третья глава диссертации «Художественные особенности «Гулшан-и роз» состоит из четырёх разделов.

В первом разделе данной главы – «Суфийские символы и терминология» весьма детально и подробно исследованы художественные символы и суфийские понятия, встречающиеся в «Гулшан-и роз». Голландский востоковед Иоганс Томас Питер Девервин, рассуждая о художественных достоинствах персидской суфийской поэзии, верно констатировал, что «с самого начала XIV века, в ней полностью сформировалась суфийская образная символика» (3:99). И причем как лучший пример для этого он указывает на «Гулшан-и роз» Махмуда Шабистари (там же). Данное мнение ученого является правильным. На самом деле Шабистари, обладая колоссальным мистическим мировоззрением и своим внутренним духовным опытом, собственные суфийские переживания описывал специальными символами и намеками и сам же эти символы попытался интерпретировать. Шабистари в своих разъяснениях как бы вскрывает сокровенные побуждения суфийских поэтов запечатленные в устойчивых художественных формулах, однако его истолкования до такой степени лаконичны, что разглядеть этот самый тайник не так-то легко. Для этого следует вооружиться суфийской философией и войти в орбиту мышления Шабистари, что попытался сделать автор данной диссертации.

Следует отметить, что между символами и терминами имеется существенное различие. К суфийским терминам относятся такие слова, как *بقا* – существование, *فنا* – исчезновение, *قرب* – приближение, *بوعد* – удаление, *نفس* – страсть, *وجد* – экстаз и т.д., и они обозначают определенные понятия. А символ, по утверждению ученых, специально изучавших суфийскую символику, это наивысшая точка развития образа. Он выражает не отдельно взятое понятие, а передаёт читателю многослойные идеи. Например, «جام» (чаша), по изложению Шабистари, это внутренний мир суфия, который очищен от мирских соблазнов. Его еще можно понять как сердце совершенного человека, познавшего Истину. Символы, которые комментировал Шабистари можно делить на две части: 1. Отдельные предметы, которые окружают суфия, такие как *свеча, чаша, рюмка, вино, виночертий, таверна* и т.п. 2. Слова, указывающие на определённые части портрета красавицы – *лицо, глаза, брови, ресницы, губы, локон, родинка* и т.д.

Нужно заметить, что Худжвири - предшественник Шабистари, категорически не воспринимал любовную суфийскую поэзию, где воспеты внешние достоинства возлюбленной, считая ее недозволенной по шариату. Однако, Шабистари как великий представитель экстатического суфизма (*اهل سکر*) как и братья Газали и Ибн Араби, признавал любовно-суфийскую поэзию и пытался раскрыть суть любовных символов. По убеждению поэта, Бог создал человека любовью, и человек прекраснее всех других сотворенных Богом, тварей. Кроме того, красота видится в пропорциональности всех частей тела. Например, у человека два глаза, двое губ, две брови, две груди, два плеча, две руки, две ноги и т.д., и все они находятся в симметричности. Именно поэтому суфии в прекрасном облике человека видели отблески красоты Бога. По разъяснению Шабистари « *چشم* » (око) – это символ сущности Абсолюта, а « *زلف* » (локон) намекает на *касрат* (множественность) и « *حجاب* » (завесы) указывает на те препятствия, которые должен преодолеть суфий. « *روی* » (лик), как говорил Лахиджи, указывает на Божественную субстанцию (9:399). « *خال* » (родинка) представляется как центр единства сущего, т.е. она является знаком единения на лице (сущности) Абсолюта. Таким образом, в этой части диссертации все символические образы, которыми пользовался Шабистари, тщательно анализированы и обоснованы. Диссертант уделяет внимание и на такой символический образ, как « *سکر* » (опьянение). Анализируя такое обстоятельство, приходит к выводу, что Шабистари является устойчивым представителем суфийской школы Боязида Бистами.

Второй раздел третьей главы диссертации называется «Словесные художественные фигуры», где подвергнуты анализу такие формообразующие художественные приёмы, как *тажднис* (омограф), *такрор* (повтор), *калб*, *шитикак* и т.д. По наблюдениям автора, в поэме «Гулшан-и роз» находят место почти все разновидности таджниса (*том, нокис, зоид, лохик, хат...*). Наличие указанных фигур открыто показывает поэтический дар Шабистари, как мастера слова.

Третий раздел данной главы назван «Образные фигуры» и в нем тщательно изучены и показаны степень использования поэтом таких фигур, как *таибех* (сравнение), *тавсиф* (эпитет), *талмех* (намек), *тазод* (противопоставление), *муроот ан-назир* (соотношение) *лаффу наир* (тема и рема), *ирсоли масал* (упоминание притчи), *танокузнамои* (парадоксы), *истиора* (метафора), *таихис* (олицетворение), *маджоз* (аллегория), *киноя* (тонкий намек) и др. Указывая на эти положения, в диссертации приведены и проанализированы множество примеров из исследуемой поэмы.

Четвертый раздел данной главы назван «Цитирование аятов Корана и изречений Пророка Мухаммада». Здесь детально рассмотрены образцы использования поэтом аятов Корана, изречений Пророка Мухаммада и высказываний других религиозных святых. По наблюдениям диссертанта, поэт порою видел в своих убеждениях соответствия с содержаниями аятов из

сур Корана и в таких случаях сам автор прямо об этом упоминал. Например, в следующем бейте:

به آخر گشت نازل نفس انسان
که بر "ناس" آخر آمد ختم قرآن (11:105).
(В последнюю очередь создана душа человека,
Поэтому и Коран заканчивается сурой «Нос»)

Однако, наличие подобных реалий и суждений в поэме имеют место сравнительно меньше. В основном поэт приводит на фарси содержание тех или иных аятов из Корана, как например, в следующем бейте:

همه علم به نور اوست پیدا
کجا او گردد از عالم هویدا (11:72).
(Весь мир является проявлением Его сияний,
А разве Его самого мы можем увидет?).

Содержание указанного бейта взято из аята 35 суры «Нур» где сказано: «Аллах есть отблески Неба и Земли». Отсюда поэт формулирует свою пантеистическую идею о том, что кажущееся существование всех предметов внешнего мира это следствие отблеска лучей Бога, а не наоборот. Подобные намеки поэта на *аяты* Корана встречаются в поэме чаще, однако установить их достоверность представляется невозможным и очень сложным.

Следует отметить, что прямые и косвенные цитирования аятов в поэме из Корана, подвергнутых тщательному анализу, наглядно свидетельствуют о религиозной просвещенности поэта и его глубокой компетентности в данном направлении.

В ходе анализа автор делит упомянутые *хадисы* на две части: 1. Божественные хадисы. 2. Хадисы, относящиеся к Пророку Мухаммаду и к другим духовным святым мусульманского суфизма. Как пример первого положения можно показать следующий бейт из поэмы, где расположен божественный хадис «Я был скрытым кладом и любил, чтобы стать познанным»:

حدیث «كنت كنزاً» را فرا خوان
که تا پیدا ببینی گنج پنهان (11:81).
(Прочти хадис «Я был кладом скрытым»,
Чтобы увидеть открыто сокрытый клад).

Этим бейтом поэт хотел сказать, что причина сотворения человека заключается в том, что Бог хотел быть познанным.

Для анализа второго вида хадисов можно привести следующий бейт:

چرا کردند نامش عرش رحمان
چه نسبت دارد او با قلب انسان؟ (11:106).

(Почему его именовали престолом Милостивого,
Какое отношение имеет это к сердцу человека?).

Здесь использовано изречение пророка Мухаммада «Сердце человека есть престол милостивого Бога». Этим Шабистари хотел выразить, что сердце человека – это место отражения Бога, и человек, очищая его, сможет познать эту истину. Нужно заметить, что диссертант все хадисы приводит в оригинале, т.е. на арабском языке, и затем, переводя на фарси, интерпретирует их в соответствии с суфийской доктриной поэта.

Четвертая глава диссертации «**Место поэмы «Гулшан-и роз» в истории персидско-таджикской литературы»** состоит из трёх разделов.

Первый раздел четвёртой главы назван «Комментарии “Гулшан-и роз”», где дана краткая характеристика этой поэмы как важнейшего источника по суфизму и исследованы все существующие комментарии к ней. Диссертант, подробно рассматривая все заслуживающие внимания высказывания средневековых и современных авторов по значению «Гулшан-и роз», доказывает её суфийскую сущность и одновременно определяет важную теоретическую и практическую роль в последующих этапах развития метафизической мысли персоязычных народов. Польза от этой поэмы в изучении суфизма в процессе развития литературы в целом так велика, что она постоянно притягивала внимание многих мыслящих людей, как на Востоке, так и на Западе.

Затрагивая тему «Гулшан-и роз» английский исследователь Аннимари Шимел пишет, что «эта поэма является размышлением о духовном совершенстве человека и эманации красоты Божьей» (6:456). Иранский ученый Хикмат Насруллах верно замечает, что «те духовные вопросы, которые подняты в поэме «Гулшан-и роз» не ограничиваются в пространстве и времени, они являются вечными для культуры всего человечества» (4:33). Именно по этим причинам поэма переведена на английский, немецкий, арабский, турецкий, урду и на многие другие основные языки мира. Сам Шабистари в «Гулшан-и роз» отдает предпочтение смысловым аспектам слов, а не формальным их сторонам, поэтому в каждом бейте смысл слова превалирует над ее формой. К тому же выражения Шабистари в этой поэме являются исключительно поэтическими. В них нет места лишним словам или синонимике. Сложность восприятия с точки зрения языка заключается именно в этих указанных моментах.

Интересны наблюдения диссертанта в плане выявлении понятия «я». По мнению Шабистари, атрибуты Божественного совершенства пребывают во Вселенной в дискретном состоянии. Лишь в человеке они собраны воедино и воплощены наиболее адекватно, как в «конспекте». Поэтому в человеке Абсолют познает себя во всей своей полноте: человек как бы становится его самопознанием, «образом божьим». Так, Шабистари откровенно об этом пишет:

تویی تو نسخه نقش الهی
بجو از خویش هر چیزی که خواهی ! (11:178).
(Это ты, и ты есть копия образа Аллаха,
Ищи в себе все, что пожелаешь).

По Шабистари, познающий суфий это должен понять и, хотя с большим трудом, он обязан осознать самого себя. По видению Шабистари, самопознание путника (*солика*) заключается в том, что он, как последнее звено цепи творения, продвигаясь вперед, должен вознестись до первого звена сотворения. Однако не каждый путник достигает такого уровня. Поэтому Шабистари ведет речь о таких этапах мистического пути познания, как *факр*- поймать себя не в совершенстве по сравнению с совершенством Абсолюта; *таваккул*- упование на Бога; *ризо*- смирение и др.

Предпосылкой для возникновения любви считается возвышенная красота. Тут используется изречение Пророка о том, что «Бог прекрасен и любит прекрасное». Шабистари в своих любовных воззрениях опирается кораническому *аяту* (стиху), где говорится: «Бог полюбил их, и они влюбились в Него» (Коран. Сура *Моида*, аят 54). Так что первоисточником любви считается сам Бог. Человек же любовному призыву Бога отвечал положительно, и стал влюбляться в Него. Любовь по мистическому убеждению Шабистари является единственно верным проводником и основным критерием в очищении души от мирских соблазнов.

Поскольку текст поэмы является свёрнутым, отмеченные особенности поэмы открывают широкое поле для разночтения, многообразия и разновидностей понимания слов поэта. Поэтому многие средневековые знатоки слова поспешили к её комментированию, исходя из сугубо личных идейных позиций или же позиции своего суфийского ордена.

Таким образом, в реферруемой диссертации определены и подвергнуты изучению и исследованию более сорока основных комментариев к «Гулшан-и роз», среди которых особое место занимает «*Мафотих ул-э`джоз фи шархи "Гулшан-и роз"*» («Ключи к чудесам в комментарии «Цветник тайн») Шамсаддина Лахиджи (XV век). Следует подчеркнуть, что поэма «Гулшан-и роз» создана более 700 лет назад, и поэтому по верному высказыванию Сируса Шамисо «язык текста поэмы для читателей нашего времени представляется немым, т.е. недоступным. Чтобы этот язык был понятным нынешним читателям необходимо его озвучить заново» (5:374). Именно поэтому ряд современных иранских и пакистанских текстологов взялись за это дело и такие, как Бехруз Сарватиён, Мухаммадбашир Анвар, Джавод Нурбахш, Мухаммад Назир, Иффат Карбаси, Ахмад Муджахид и другие, заново прокомментировали и попытались разъяснить современным читателям основу идей поэта-мистика Шабистари. В том числе автор настоящей реферруемой работы на более простом современном персидском

языке интерпретировал «Гулшан-и роз» и в виде отдельной книги дважды издал её в Иране (Кум, 1999; Тегеран, 2010).

Поскольку исследуемая нами поэма в свое время и на протяжении многих веков имела среди читателей огромный успех, появились также отдельные поэты, создавшие *назыра* /ответные поэмы/ на нее. В диссертации особо указывается на «*Гулшан-и Рамузи*» («Цветник Рамузи») Мухаммада Рамузи (XV-й век), «*Азхор-и Гулшани*» («Сияние цветника») Ибрахима Гулшани (XV-й век).

Второй раздел четвёртой главы «Вопросы творческой преемственности в создании поэмы» посвящен исследованию степени преемственности суфийских идей и литературным подражаниям поэта. Дело в том, что Шабистари, как истинный гностик, постигший Истину и как поэт, не только был хорошо знаком с существующими фундаментальными теоретическими школами суфизма и суфийской литературы, но и, воспринимая их основу, до некоторой степени развивал сам. Например, упорная борьба Шабистари с последователями перипатетизма является следствием сильного влияния суфийских взглядов Мухаммада Газали и Ахмада Газали. Шабистари, протестуя против убеждений философов-рационалистов, уподобляет их глупцам, которые в пустыне со свечой ищут Солнце:

زهى نادان كه او خورشيد تابان
به نور شمع جويد در بيابان ! (11:66).
(Что скажешь глупому, который сияющее солнце
Ищет со свечой в просторах пустыни?).

Среди поэтов-суфиев Шабистари более других близок к Санои, Аттару, Джалалиддину Руми и Фахраддину Ираки. Он так же, как и они отнимает у человека его *ихтияр* (свободу действий) и выступает как последовательный фаталист (*джабри*). Кроме того, признавая основные позиции Аттара, Мавлави и Ираки по вопросам суфизма, пытается развить их идеи. Конечно, Шабистари по количеству созданных художественных произведений гораздо уступает вышеупомянутым виртуозам, но по изложению опорных идей суфизма и стилю описания превосходит их.

Далее отмечается, что Шабистари будучи теоретиком суфизма полностью изучил и освоил учения предшествующих суфиев и современных ему гностиков таких, как Санои, Кушайри, Худжвири, Аттар, Ибн Араби, Садраддин Коняви, Азиз Насафи, Джалаладдин Руми и многих других. Он особенно убежденно изучил пантеистическую теорию единства сущего Ибна Араби. Именно поэтому мы видим, что в «Гулшан-и роз» он в основном прибегал к разъяснению теоретических аспектов суфизма, а не к практическим его сторонам (аскетизма). Шабистари был убежден, что для того, чтобы достичь соединения (слияния) с Истиной, следует познать суть самого себя, а источником самопознания является сердце суфия. Его учение,

так же, как учение Ибна Араби, основано на единстве бытия. По его мнению, существует только единственная и вечная истина-Бог, а прочие предметы являются лишь его проявлениями. Бог есть бытие невидимое, а окружающий мир небытие видимое. По мнению Шабистари, философам данную доктрину не понять, ибо они утверждают, что сущность Бога можно познать лишь разумом, а других тварей – причинно-следственным принципом познания (*даври тасалсул*). Шабистари, как и Ибн Араби, всячески опровергает эту рациональную теорию философов, противопоставляя им свою экстатическую (восторженную, сердечную) философию. Так, он считает единственным ключом к познанию Бога сердце суфия:

جام جهاننما دل انسان کامل است
مرآت حقنما به حقیقت همین دل است (9:3).
(Чаша, показывающая весь мир - сердце совершенного человека,
Зеркало отражающее истину воистину есть сердце).

Шабистари резко выступает против аргументации философов и восклицает:

حکیم فلسفی چون است حیوان
نمی بیند ز اشیا غیر امکان (11:63).
(Ученый философ подобие скотины,
Не увидит в предметах кроме их реальности).

Философы убеждены, что Истину можно познать лишь посредством реально существующих предметов окружающей среды. Данную теорию Шабистари не воспринимает вовсе. По его мнению, окружающий мир не существует реально, а является лишь эманацией или отблеском, отражением абсолютного Бытия. Философы утверждают, что каждый предмет познается противоположным ему предметом. Если считать такое утверждение верным, то у Бога ведь нет антитезы и противоположности. В диссертации в развернутом виде рассмотрена пантеистическая теория Шабистари, выводы сделаны в сравнительном ключе с учениями других представителей суфийской школы Ибна Араби, таких как Джалаладдин Руми, Алоуддавла Симнани, Азиз Насафи, Ираки и др.

Третий раздел последней главы под названием «Влияние “Гулшан-и роз” Шабистари на творчество последующих поэтов» посвящен рассмотрению благотворного воздействия суфийских взглядов Шейха Махмуда Шабистари на художественное творчество ряда последующих поэтов. Примечателен тот факт, что после создания «Гулшан-и роз» в персидско-таджикской литературе и особенно в азербайджанской литературной среде возрастает количество суфийских произведений в форме *месневи* (поэмы). Так, например, Авхади Марагаи (ум.738/1338) сочинил «Джом-и Джам» («Чаша Джамшида») и «Дах фисл» («Десять глав»), Ассар Тебризи (ум.793/1391)

создал поэму «Мехру Муштари» («Солнце и Юпитер») и т.д. Здесь можно констатировать тот факт, что все эти поэмы, тематикой которых является воспевание Божественной любви, созданы под влиянием «Гулшан-и роз» Шабистари. В них так же, как и в «Гулшан-и роз», в художественной форме воплощена суфийская теория «*вахдати вуджуд*» (единство Бытия). Помимо того, влияние Шабистари наблюдается и в сочинениях таких поэтов-суфиев, как Камол Худжанди, Мухаммад Ширин Магриби и т.п., в творчестве которых доминирующее место занимает суфийская любовная газель.

В Заключение приводятся основные выводы и результаты исследования, проведенные во всех четырех главах диссертации:

Шейх Махмуд Шабистари жил и творил в конце XIII и в первой половине XIV века в Тебризе. Хотя он много путешествовал, но в основном проживал в родном городе. При жизни пользовался огромным авторитетом, как великий знаток богословия, мусульманской мистики и поэзии. По религиозному убеждению был суннитом шафиитского толка и являлся аш`аритом. По приведенным аргументированным фактам, поэт умер в 740/1340 году, а не как утверждают некоторые средневековые источники и нынешние исследователи, в 720/1321 г. Среди сочинений Шабистари поэма «Гулшан-и роз» занимает особое место. Эта краткая поэма, состоящая из 1007 бейтов, по своему глубокому содержанию быстро распространилась среди суфийских поэтов и прочих мыслящих людей той эпохи. По истечению времени данное произведение заняло устойчивое место в истории персидско-таджикской литературы и явилось самой читаемой поэмой. Создана поэма в поэтической форме *месневи*. Поскольку она написана в ответ к многочисленным вопросам (их 17) другого знаменитого поэта-суфия по имени Амир Хусейна Хирави, то в этом плане в истории персидско-таджикской поэзии, она является новшеством, и в своем роде единственным и уникальным.

В реферуемой диссертации исследованы все существующие комментарии к «Гулшан-и роз», а их более сорока. Рассмотрены ее переводы на другие языки и появившиеся в дальнейшем *назиры* к ней. Подробно изучены и проанализированы структура, содержание поэмы, изложена суфийское мировоззрение поэта и его интерпретации многочисленным суфийским терминам и образной символике суфизма. Поэт, как великий гуманист, в пределах содержания поэмы, осуждает лицемерие, безнравственность и вместе с тем регламентирует внутреннюю свободу и толерантность. В стилистическом плане язык Шабистари завуалирован, ибо в его суфийском учении речь идет о «возвышенном мире», где внутренний взор поэта направлен на священный и сакральный мир, т.е. мысль автора доходит до метафизических понятий, не воплощенных в определённые формы. Поскольку для выражения потусторонних понятий готовых форм не существует, поэт-мистик поневоле использует готовые формы выражения (слова), преодолевая при этом пределы их словарного значения. Иначе

говоря, Шабистари поэтически философствует о своих устремлениях для постижения Истины. Именно в этом и заключается популярность «Гулшан-и роз», как шедевра поэтического искусства. Сложность и многогранность поэмы состоит в том, что суфийские образные символы обозначают полисемантические идеи, а не определенные моносемантические понятия. Поэтому они открывают перед читателем широкое поле для разного рода восприятий и толкований. А такое положение, бесспорно, возвышает литературную ценность поэмы, возвеличивает её до монументальности, а автора – создателя уникальнейшего произведения шедевра поэтико-философского содержания суфийской школы.

Цитированная литература:

1. Бертельс, Е.Э. Суфизм и суфийская литература/Е.Э.Бертельс//Избранные труды. – М.: Наука, 1965. – 524 с.
2. Шабистарӣ, Маҳмуд. Гулшани роз/Маҳмуди Шабистарӣ. Муқаддима ва тавзеҳи луғоту феҳристи оёту аҳодис аз Тоҷибоев Ш. Зери назари А.Насриддинов.-Хучанд: Эҳёи Аҷам, 2011.- 113 саҳ.
3. دیویروین ا. شعر صوفیانه فارسی/دیویروین. ترجمه مجدالدین کیوانی.-تهران: مرکز.- چاپ اول، 1378-189 ص.
4. حکمت، نصرالله. متافیزیک خیال در گلشن راز شبستری/ نصرالله حکمت. – تهران: انتشارات فرهنگستان هنر، چاپ اول، 1385. – 291 ص.
5. شمیسا، سیروس. نقد ادبی/ سیروس شمیسا. – تهران: میترا 1375. – 475 ص.
6. شیمیل، آنه ماری. ابعاد عرفانی اسلامی/ آنه ماری شیمیل. ترجمه و توضیحات دکتر عبدالرحیم گواهی. – تهران: انتشارات 11 دفتر نشر فرهنگ اسلامی، چاپ ششم، 1387. – 703 ص.
7. صفاء، ذبیح الله. تاریخ ادبیات ایران/ ذبیح الله صفا – جلد دوم. – تهران: انتشارات فردوسی، چاپ نوزدهم، 1388. – 296 ص.
8. کربلایی، حافظ حسین. روضات الجنان و جنات الجنان/ حافظ حسین کربلایی، 2 جلدی. – جلد اول و دوم. مصحح جعفر سلطان القرایی. – تهران: بنگاه ترجمه و نشر کتاب، 1344/ – 761 ص.
9. لاهیجی، شیخ محمد. مفاتیح الاعجاز فی شرح گلشن راز. با مقدمه ی کامل کیوان سمیعی. – تهران: انتشارات سعدی، چاپ ششم، 1374. – 804 ص.
10. لویزن، لئونارد. فراسوی ایمان و کفر شیخ محمود شبستری. مترجم دکتر مجدالدین کیوانی. – تهران: نشر مرکز، چاپ اول، 1379. – 449 ص.
11. محمدی، باغملائی محمدکاظم. حدیث بی کم و بیشی (شرح گلشن راز شیخ محمود شبستری). – تهران: انتشارات میلاد، چاپ اول، 1389. – 344 ص.

По теме диссертации опубликованы следующие работы:

1. Мохаммадибагмоллаи М.К. Без убавления и лишнего / Мохаммадказем Карим Мохаммадибагмоллаи. Комментарий к «Гулшан-и роз» Шейха Махмуда Шабистари. –Тегеран: Милод, 1389 х. – 344 с. (на перс.яз.).
2. Мохаммадибагмоллаи М.К. Толкование слова «Я» с точки зрения Махмуда Шабистари в его поэтическом произведении «Гулшан-и

- роз»/ Мохаммадказем Карим Мохаммадибагмоллаи // Вестник Таджикского национального университета (научный журнал). – Часть 1. – Душанбе: Сино, 2011. –№ 11. –С. 302-307 (на тадж.яз.).
3. Мохаммадибагмоллаи М.К. Образные символы в «Гулшан-и роз» Махмуда Шабистари /Мохаммадказем Карим Мохаммадибагмоллаи //Вестник Таджикского национального университета (научный журнал).–Сер.: Филология. –Душанбе: Сино, 2012. –№ 4/2. – С. 188-194 (на тадж.яз.).
4. Мохаммадибагмоллаи М.К. Основные мотивы сочинения поэмы «Цветник тайн» («Гулшан-и роз») Махмуда Шабистари/ Мохаммадказем Карим Мохаммадибагмоллаи // Вестник Таджикского национального университета (научный журнал).- Сер.: Филология. –Душанбе: Сино, 2015. –№ 4/3. – С. 222-227 (на тадж.яз.).